

«КАЖДАЯ РОЛЬ, КАК ЧЕЛОВЕК...»

Сергей Кагаков очень молод. Настолько, что его можно принять за студийца. Хотя за спиной у «студийца» уже такие серьезные работы, как Петенька в спектакле «Господа Головлевы» по роману Салтыкова-Щедрина, Хлестаков в «Ревизоре» Гоголя Косме в комедии Кальдерона «Дама-невидимка», Алешка в сказке Гольдфельда «Мал, да удал», Бадри Ламидзе в «Чинарском манифесте» Чхидзе. И это не случайно. Сергей Кагаков умеет работать, что называется, до седьмого пота, обладает богатым образным видением.

Мы встретились с Сергеем перед началом спектакля в академическом театре драмы имени М. Горького. Он явно смущен — впервые дает интервью.

— Сегодня вы играете в комедии «Моя профессия — синьор из общества». Что вы можете сказать об этой работе?

— В пьесе у меня небольшая роль. Я играю парня, который принимает участие в танцевальном марафоне. Хочу, чтобы зритель увидел не только беззаботного весельчака, но и духовную опустошенность, нравственную деградацию молодого человека в капиталистическом обществе.

— Роли комедийного жанра — это ваше амплуа?

— Не уверен, хотя очень люблю комедию. Вообще-то меня больше привлекает социальный герой. Хотелось бы создать образ человека сильного, волевого, с верой в будущее. Очень близки мне герои Шукшина. Я понимаю и люблю их человеческую простоту, доброту.

— Вам, наверное, удаются роли, как говорится, с «первого дубля»?

— Это только так ка-

жется. Иногда над какой-нибудь мизансценой бьешься до самой премьеры. В «Господах Головлевых» мой Петенька поначалу был нервным, крикливым. Мне казалось, таким он и должен быть, но после генеральной репетиции режиссер сказал: «Сережа, ты играешь

ужасно. Не то». Вышел на премьеру, попробовал по-другому: спокойнее, хладнокровнее, но зато — ехиднее, язвительнее, лицемернее. Мой партнер, глядя на меня, даже текст забыл.

Потом я получил роль Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя.

— Удались ли вам эта роль?

— Трудно сказать... Сейчас бы я сыграл Хлестакова иначе. А тогда я был еще новичком в театре. Не мог преодолеть робости, стеснялся предложить что-то свое. Не хватало техники, опыта, знаний. Но, несмотря на трудности, главное, по-моему, удалось: показать своего героя в развитии — от ветренного легкомысленного человека до законченного наглеца.

— Чувствуете ли вы реакцию зрителя?

— Чувствую. И это очень помогает в работе. Внутренне подстегивает. В сказке «Мал, да удал» я даже боялся зрителя. И знаете почему? Впервые столкнулся с детьми. Здесь уж не сфальшивишь.

В сказке Гольдфельда «Мал, да удал» актер играет легко, озорно. Алешка, его герой, по-особому пластичен. Удивительное чувство движения, раскованность, свобода. Даже, когда он неуклюж.

— В этом спектакле я еще не ощутил своей пластичности, хотя и выполнял кульбиты и прыжки. Это

пришло позднее, в спектакле «Моя профессия — синьор из общества».

Здесь его герой Роберто не просто танцует. Он живет в танце. Пластике подчиняется весь его облик: танцуют лицо, глаза... До умопомрачения... Он так забавен, его импровизированный танец! В зрительном зале взрывы хохота. Сколько же надо поработать актеру, чтобы только своим появлением вызвать подобную реакцию.

— Вы исходите в процессе работы от себя («я и предлагаемых обстоятельств») или от образа?

— В основном, от себя. В первую очередь, ищу в себе черты своего героя: как бы я поступил в данной ситуации. Ведь чувства героя должны восприниматься как собственные. Только тогда получится роль. Но вот в драме «Чинарский манифест» — от образа. Просто не мог найти в себе своего героя. Мой Бадри — человек опытный, мудрый, целеустремленный, чего мне пока не хватает. Поэтому и роль для меня была особенно сложна.

— Оказывает ли влияние на вас ваша работа в театре?

— Конечно. По-новому открыл классику для себя: Кальдерона, Гоголя, Салтыкова-Щедрина.

А работа с партнерами?

Я, например, испытываю истинное наслаждение, работая с Леной Лазаревой. Чувствую, что это мой человек, что у нас с ней своеобразная гармония. Ведь общение с хорошими людьми — всегда радость. И каждая роль, как человек, у которого можно взять что-то для себя. И вообще, после каждой сыгранной роли внутренне взрослою. Больше присматриваясь к людям, стал выдержаннее, терпимее.

— Ваше актерское представление о счастье?

— Работать и работать. Пусть мучительно, долго, трудно. Тем радостнее видеть потом результаты своего труда. Постоянно совершенствовать свои знания, технику, приобретать опыт... Только тогда может получиться настоящий актер.

Быть всегда с театром...

Пора уходить. Сейчас выхожу Сергея Кагакова. На душе — ощущение чего-то радостного. То, что было дорого мне в Кагакове на сцене, подтвердилось и в жизни. Позже я позволю ему, чтобы уточнить некоторые детали. И вроде бы ничего существенного, а снова появится это теплое чувство. От общения с хорошим человеком...

Л. СВЯТКИНА.

НА СНИМКЕ: С. Кагаков.